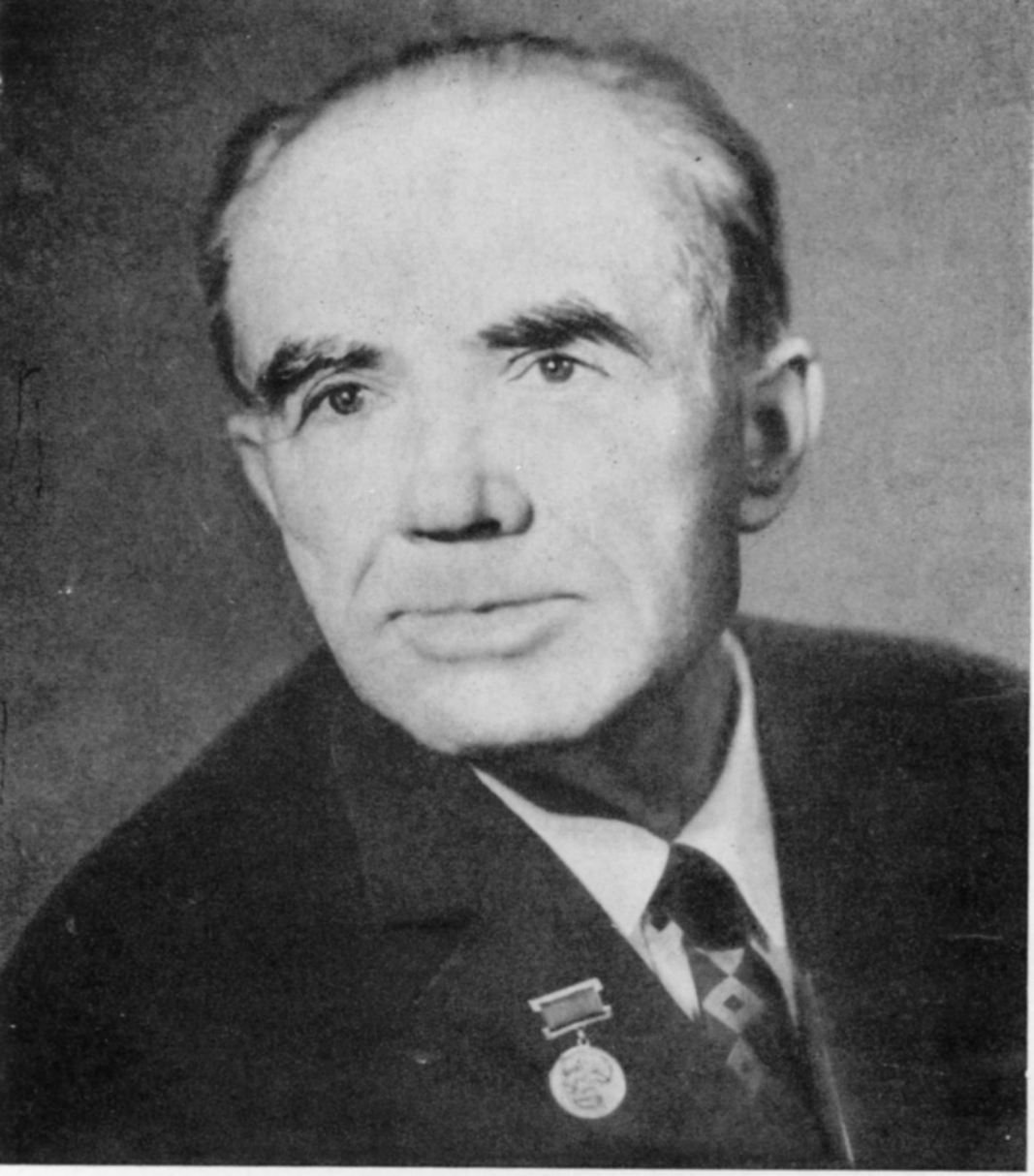

Конст. Седых

SHOUT
SHARE
IT

- ЛИРИКА И ЭПОС КОНСТАНТИНА СЕДЫХ

ЛИРИКА И ЭПОС КОНСТАНТИНА СЕДЫХ (к 70-летию писателя)

Человек яркого и незаурядного дарования, прекрасный мастер слова, Константин Седых по праву вошел в нашу большую русскую литературу, завоевал симпатии и любовь широких кругов читателей.

Биография Седых, писателя крупного эпического размаха, типична и характерна для многих представителей советской литературы я искусства старшего поколения. По воспитанию, по характеру и направленности своего творчества Константин Седых — подлинно народный художник. Он родился 21 января 1908 года. Сын забайкальского казака из поселка Поперечный Зерентуй, будущий писатель рос и формировался в самой гуще народной. В раннем детстве он самозабвенно слушал рассказы отца, полного георгиевского кавалера, участника двух войн — русско-японской и империалистической, — о доблести и отваге русских воинов. Мальчик с упоением погружался долгими зимними вечерами в чарующий мир народной поэзии, мир старинных сказок и песен, от которых веяло разудалой казачьей вольницей.

Очарование народной поэзии, услышанной впервые из уст матери, хранившей в своей памяти немало старинных песен и сказок, солнечные просторы родного Забайкалья, раскрывшиеся перед изумленным взором ребенка в его поездках с отцом на сенокос, в поле, на всю жизнь запали в душу будущего писателя, рано пробудили в нем тягу к творчеству. «В свободное от работы время,—вспоминает он в «Автобиографии», — отец любил бродить по лугам и лесам, по горам и долинам. Когда я подрос, он стал брать меня с собой, Много исходили мы в поисках удобных мест под новые пашни и покосы, разыскивая деревья, годные на поделку колес и вил, охотясь на диких коз. С высоких горных вершин любили мы смотреть на необозримые просторы, на блестевшие в долинах озера и речки, на пашни, затейливо лепившиеся по склонам сопок, на станицы и села, о существовании которых я и не подозревал. С тех пор горячая отцовская любовь к Забайкалью стала и моей любовью». Первое свое стихотворение «Весна» он написал в десятилетнем возрасте. «Помню, — вспоминает Седых, — что описывал я в нем красоту забайкальской весны».

Неизгладимый след в душе подростка оставили и бурные события гражданской войны в Забайкалье, ставшие позднее одним из основных источников его творчества. «Навсегда останутся, — говорит он,— в моей памяти годы гражданской войны. Мне было тогда одиннадцать лет. Но я хорошо помню, как в мае девятнадцатого к нам в поселок впервые нагрянули красные партизаны». По словам писателя, впечатления' тех далеких лет незабываемы. «Позже я из них черпал материалы для многих моих стихов и рассказов».

Будущий автор «Даурии» и «Отчего края» со всей свежестью и непосредственностью детского восприятия жадно впитывал в себя разнообразные впечатления, события, факты, причудливые биографии множества людей той бурной, беспокойной эпохи. Он видел знаменитого командира сибирских партизан П. Н. Журавлева, о котором народ Забайкалья и поныне поет свои песни, познакомился с его ближайшими соратниками — начальником штаба С. С. Киргизовым, полковыми командирами Макаром Якимовым, Александром Федоровым, Корнилой Козловым. Немало повидал он в те памятные годы и рядовых партизан. У него на глазах собирались и снаряжались в партизаны поселковые батраки. Писатель вспоминал впоследствии: «А назавтра днем Алеха Соколов и другие поселковые батраки сидели у нас в горнице, и мои принаряженные тетки пришивали им на фуражки красные ленточки, заглянув для этого в свои сундуки с залежалым приданым. Оказывается, с партизанами пришел наш сельчанин Федот Доровских, известный читателям «Даурии» под именем Федота Муратова. Он живо уговорил своих друзей записаться к нему во взвод и лично реквизировал для них у местных богачей коней и седла».

Живые, врезавшиеся в память на всю жизнь впечатления тех незабываемых лет позднее переплавились под пером художника в яркие и колоритные человеческие характеры, выведенные в романах «Даурия» и «Отчий край», придали всему повествованию тот аромат подлинной жизни, покоряющей свежести и непосредственности видения мира, той достоверности, которые так привлекают нас в книгах писателя.

Многие герои Седых пришли на страницы его произведений из гущи самой жизни, имели своих реальных, живых прототипов. «Работа над образами героев «Даурии», — рассказывает писатель, — была сложной и трудной... Образы Сергея Ильича Чепалова, Никулы Лопатина и Федота Муратова списаны с моих односельчан. Они предстали перед читателем такими, какими были в действительности». Так весьма живописная богатырская

фигура Федота Муратова, деревенского бобыля и отважного партизана, способного и на героический подвиг, и на анархическую выходку, еще в детстве поразила воображение писателя. «Помню, — рассказывает он, — что сам Федот, как всегда, был великолепен. Он щеголял в широченных штанах с лампасами, с трофейной серебряной шашкой на боку, в кожаной-куртке и серой каракулевой папахе.

...Федот, Федот! Забубенная головушка! Где-то в лесистых горах под Богдатью похоронен ты в братской могиле. Но и поныне хранят земляки в своей памяти твой последний подвиг. Ты погиб, окруженный японцами, в рукопашном бою. Двенадцати солдатам снес ты головы шашкой, прежде чем подняли тебя на штыки...».

Один из ведущих партизанских руководителей С. С. Киргизов по-служил для писателя прототипом при создании образа Василия Андреевича Улыбина. Были свои прототипы и у Семена Забережного, и у. целого ряда других персонажей «Даурии» и «Отчего края».

Разумеется, из сказанного вовсе не следует, что автор «Даурии» чисто механически копировал портреты, живых людей. Волнующие впечатления отроческих лет, протекающих в накаленной атмосфере гражданской войны, послужили отправной точкой, той запальной искрой, которая позднее помогла ярче разгореться огню творческого воображения художника. «За два незабываемых, года, — рассказывает Константин Федорович, — я вдоволь насмотрелся на красных и белых, запомнил сотни имен и фамилий, подружился со многими партизанами, неизменно привлекавшими мои симпатии».

Вскоре после окончания гражданской войны, будучи подростком, Константин Седых в своем родном поселке организовал комсомольскую ячейку; он был и первым ее секретарем. С 1923 года К. Седых становится селькором губернских газет «Забайкальский рабочий» и «Забайкальский крестьянин». В 1924 году появляются в печати его первые стихи.

Живые, непосредственные впечатления от многочисленных поездок по родному краю, становление новой жизни в забайкальском селе, недавняя героика гражданской войны, волнующие предания о прошлом Сибири, эпизоды из истории забайкальского казачества, сибирская каторга и ссылка, где томились, лучшие люди России, где, не жалея, душили «царю неугодную жизнь», — вот что питало музу молодого поэта. В 1933 году в Иркутске выходит его первая книга стихов— «Забайкалье». За этой поэтической ласточкой последовали и другие сборники — «Сердце», «Родная степь», «Праздник весеннего сева», «Первая любовь», «Над степью солнце», «Солнечный край», «Степные

маки» и др.

Стихи Седых подкупают своей свежестью, живописностью, глубоким поэтическим чувством. Сибиряки знали и любили этого тонкого лирика, влюбленного в солнечное Забайкалье, задолго до того, как он стал автором «Даурии».

В звенящих медью стихах то патетических и величаво-торжественных, то порою наивных и книжно-романтических и все же таких искренних он славит дорогое его сердцу Забайкалье, над которым прошумели столетия, прошла тяжелой поступью сама история.

Медлительны, как желтые тымэны,
Бредут над степью грузные века.
А сопки спят — лазурное морены
По краю золотого ледника.
Скамей мне, жизнь, чья молодость бурлила,
Сгорала, ненавидя и любя,
Кто спит в прибитых тенями могилах,
Чьим голосом ты славила себя?

Это здесь, среди унылых забайкальских сопок, вырастали зубчатые остроги, гибли в каторжных рудниках народовольцы, и «жгла чахотка грудь большевика», «рвались сердца и мускулы на дыбе двуглавого российского орла». Такие картины вставали в воображении поэта, когда он думал о далеком прошлом родного края. Они сменялись другими, лично пережитыми, навеянными детскими впечатлениями от гражданской войны, о тех годах, что скоро «зашумели ветрами доброй славы». Эти пропахшие порохом и дымом ветры играли и в его мальчишеских вихрах.

Довольно, жизнь! Я знаю остальное.
Веселый краснощекий карапуз —
Я собирал на дымном поле боя
Картечь и гильзы в дедовский картуз,
Был желтый день, как венчики ургуя.
Цвели по сопкам выстрелов дымки,
На партизан в долину Зерентуя
Со всех сторон шли белые полки.

В его стихах о гражданской войне много от народной былинной героики. Поэт любуется ратными подвигами новых богатырей — какого-нибудь паренька из Нерчинска, седого черемховского шахтера или же слесаря из Читы.

Старовера-вахмистра
С бородою черною
Из седла, как бурею,
Слесарь наземь сбил,
Но и сам под шашкою
Казака проворного
Голову чубатую
В травы уронил.

Есть у Константина Седых небольшая баллада «Шахтер», в которой опоэтизирован подвиг пожилого рабочего-горняка. Разбитый конный отряд красных отступает. Враг же продолжает наседать, а биться нечем: «на сотню винтовок — один патрон». Отступать дальше тоже некуда: «мы влево метнулись — скала на пути, мы вправо, а там через топь не пройти». Начинается паника, раздаются голоса, предлагающие сдаться на милость врага. И только черемховец-шахтер предлагает пробиться и отвагой своей увлекает весь эскадрон.

Вертлявым хорунжим убит в упор
В бесстрашной атаке седой шахтер
Но мы дорвались, прогудев, как буран,
До смуглого князя, до белых улан.

В своих стихах он рисовал и потрясающие душу картины зверств и жестокости белогвардейщины. В одном из стихотворений К. Седых рассказал о том, как вниз по реке медленно спускался плот с сооруженной на нем виселицей, на которой, чуть покачиваясь, висели казненные.

Десятки проникновенных стихов и песен посвятил писатель героям гражданской войны, отважным сибирским партизанам.

Но Седых не только певец боев и походов. Он прежде всего лирик, лирик по самой своей строчечной сути. Немало взволнованных лирических миниатюр вышло из-под пера поэта. По-особому хороши у него картины весны и лета, когда кажется, что бубенчик чародея звенит в горлышке серебряном щегла, когда из поднебесья несется песнь жаворонка. Для этой пестренькой степной певуньи поэт нашел выразительные и яркие строки.

С зарей проснувшись, жаворонок серый
Взмыл из гнезда в струящуюся высь,
И от земли до самой стратосферы
Серебряные звуки разнеслись.

Лесным ручьем звенит и льется песня,
Звенит, звенит, как шалый бубенец.
И вот уже растаял в поднебесье
Весны и солнца яростный певец.

Не менее поэтично рассказал он и о стае лебедей.

Летящая ясным утром над ковыльной степью лебединая стая представляется ему связкой жемчуга, брошенной щедрой и сильной рукой в поднебесье. Эта «связка» и извивается, и рвется и наконец, цепочкой уходит в синеву.

Его ранние стихи по своей окрашенности и методическому строю родственны лирике Сергея Есенина, поэта, который оказал несомненное влияние на творчество К. Седых тридцатых годов.

И пойду безотчетно счастливым
В степь привольную, словно в хмелю,
Чтоб поведать озерам и нивам,
Как я милую землю люблю.

Однако было бы неправильным видеть в этой своеобразной перекличке мотивов простое подражание прославленному певцу русских белоствольных березок и уходящей деревенской Руси. К. Седых привлекала в Есенине глубокая, лирически взволнованная любовь к природе, к милой сердцу родине. Это чувство в равной мере было дорого и близко обоим поэтам. Эмоциональная насыщенность лирики С. Есенина невольно заражала, покоряя своей бьющей через край непосредственностью, буйным «половодьем чувств». К. Седых учился у Есенина, но шел-то в поэзии своею собственной дорогой. Возможно, не без влияния Есенина, а, скорее всего, под воздействием живой песенной стихии в лирику Седых ворвалась песня. Напевность, мелодическая мягкость тона — отличительные свойства многих его стихов. В них красота и очарование родной природы часто гармонически сливаются с образом дорогого и милого существа. Образ любимой точно вписывается в красочную раму, сплетенную из золотых лучей солнца, голубой речной волны, переливчатых красок неба.

Голубая Аргунь, голубая,
И платок на тебе голубой,
Сизых чаек залетная стая
В знойном небе кружит над тобой.
Ты идешь по откосу крутому,

Как прохлада желанная с гор...
Что с того, что кому-то другому
Брошен твой опьяняющий взор.
...И под медленным солнцем июня,
Даль просторней, душистей цветы
Оттого, что на тихой Аргуни
Есть казачки, такие, как ты.

Вслушайтесь, наконец, как мягко и раздумчиво поет у него молодая казачка, потерявшая своего суженого, с какой щемящей грустью изливает она свое чувство:

В золотом половодье
Весеннего дня
Он в Аргуни купал
Вороного коня,
За водою пришла
Я на берег крутой
По зеленой траве
Через луг заливной.
И уздою звеня,
И звеня чепраком,
Он плеснул на меня
Из реки серебром.
Клокотал ветерок
По кустам тальника
Голубые над нами
Текли облака...
Он потом ускакал,
Помахав чепраком,
Я осталась одна
На яру на крутом.
Больше не было слов,
Больше не было встреч:
Уложила его
Под Богдатью картечь.
Долго плакала я
О лихом казаке
У Аргуни седой
На косом челноке.
Все ждала, что придет
И полночью глухой
Постучится в окно
Осторожной рукой.

Партизаны пришли.
Только он не пришел.
Над могилой его
Тлеет трурный шелк.

Седых-поэт подготовил Седых-прозаика. Любовь к точному, поэтически свежему слову, яркость и живописность красок, выразительность художественного образа, колоритная и емкая деталь, глубокая эмоциональная насыщенность и покоряющий лиризм — все это пришло в его зрелую прозу из юношески непосредственных и задушевных стихов.

Роману «Даурия», любимому своему детищу, писатель отдал весь жар души и сердца. Работа над ним продолжалась пятнадцать лет. Воспоминания детства, бесчисленные встречи с участниками гражданской войны, горы книг и архивных материалов по истории революционного движения, каторги и ссылки — вот та атмосфера, в которой вызревал замысел художника. «В 1934 году у меня возникла мысль,— рассказывает писатель, — написать роман, посвященный событиям гражданской войны в Забайкалье. Два года я собирал материал для этого романа, беседовал с участниками гражданской войны, изучал историю забайкальского казачества, историю революционной борьбы в Сибири и на Дальнем Востоке, а также историю нерчинской каторги».

Опираясь на опыт советской литературы, создавшей немало правдивых и ярких книг о гражданской войне, наследуя традиции таких первоклассных мастеров художественного слова, как М. Шолохов, автор «Даурии» сумел сохранить свое индивидуальное творческое лицо, остаться глубоко оригинальным и своеобразным художником. Его роман превратился в красочную художественную летопись трудового казачества Забайкалья на протяжении нескольких десятилетий, насыщенных грозовыми событиями всемирно-исторического значения. Автор строит свое повествование так, что судьба его героев, история их частной жизни перерастает в историю народа на крутых поворотах революционной эпохи.

Эпический охват событий, мастерство жанровых сцен, выписанные уверенной рукою опытного мастера, полнозвучные картины природы, емкие, художественно и психологически точно вылепленные характеры сделали «Даурию» одним из любимых произведений советской литературы, популярным не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

В неторопливо-обстоятельном повествовании перед

читателями «Даурии» развертываются сочно выписанные картины жизни в казачьем поселке Мунгаловский. Жизнь течет в нем размеренно и ровно, словно спокойная река на равнине. Нравы, быт, привычки, обычаи — все это давно отстоялось, вошло в устойчивые берега, подчинено писаным и неписаным законам. Люди живут, точно сообразуясь с календарем природы. Весна и осень, зима и лето сменяют друг друга, а с ними меняются и хозяйственные заботы мунгаловцев — пахота и уборка урожая, сенокосы и зимние масленичные игры. Плавный поток жизни вызывает и замедленность повествования о ней, обстоятельность и неторопливость рассказа ц первых частях эпопеи. Автор любовно выписывает сцены облавы на волков, молодежные игрища у какой-нибудь церковной ограды, где девушки, повязанные цветными гарусными платками, лихо отплясывают под гармонику кадриль, а чубатые парни, сидя на бревнах, щелкают каленые кедровые орехи. Столько же обстоятельно живописует художник обряды сватовства и свадебного пира, взятие снежного городка и катание парней и девок на санях в масленицу, ночевки в поле и поселковые сходки. В втой здоровой трудовой жизни, в постоянном общении с природой много от истинной поэзии, полнозвучной радости бытия. Ощущение щедро разлитой вокруг жизни с ее пьянящими запахами земли и трав вплоть до горьковатого привкуса полыни сразу захватывает вас с первых же страниц романа. Перед вами во всей жизненной непосредственности проходят десятки людских судеб, разыгрываются человеческие драмы, подспудно и открыто бушуют страсти, сталкиваются характеры. И тут же нещадно палит жаркое забайкальское солнце, звенят ручьи, и лентой вьется в тени нависщих над нею черемуховых кустов и верб речушка Драгоценка. Летом над поселком проносятся ливни и грозы, зимой лютует пятидесятиградусный сибирский мороз. Как будто все идет своим, раз навсегда заведенным ходом.

Но зоркий взгляд художника на этой внешне спокойной глади потока начинает различать воронки и водовороты, скрытые подводные течения. Богач Платон Волокитин безнаказанно распахивает залежь бедняка Никулы Лопатина. Когда же Семен Забережный, такой же бедняк, как Никула, в отместку решил запахать залежь купца Чепалова, ему, георгиевскому кавалеру, за самоуправство пришлось неделю отсидеть в «клоповнике» — станичной каталажке. Кулак Иннокентий Кустов обманывает бедняка Алексея Соколова, и тот не может найти на него никакой управы, пока не додумывается спалить усадьбу Кустовых. Так, за внешним спокойствием чувствуется нарастание еще скрытого от поверхностного взгляда глухого брожения в казачьем поселке.

Это брожение, постепенно усиливаясь, вскоре приведет к взрыву, к открытому размежеванию классовых сил, едва лишь грянет революция.

Поставив в центре повествования жизнь трех поколений семьи Улыбиных, автор создал широкое полотно из жизни казачества Забайкалья. История улыбинской семьи по-своему в неповторимых человеческих характерах отразила, как отражается в капле воды солнце, судьбу всего трудового народа в революции. Все они — и родоначальник улыбинского рода Андрей Григорьевич, и его сыновья Северьян и Василий Андреевич, и, наконец, внук Роман разными, порой мучительными путями шли к постижению той большой правды, которую несла народу партия Ленина. Василий, сын Андрея Григорьевича, уважаемого человека и первого георгиевского кавалера в поселке, попадает на каторгу за связь с «политикой». В Мунгаловском богачи стали травить Улыбиных, как каторжников. И это обстоятельство впервые, может быть, заставило и старика Улыбина, и рассудительного Северьяна задуматься над такими вещами, о существовании которых они раньше, возможно, и не подозревали. И все-таки сложность и запутанность политической обстановки в годы гражданской войны была такова, что брат коммуниста и отец командира партизанского отряда Северьян становится дружинником в отряде Каргина и только в момент своей гибели от рук семеновских карателей он осознает всю нелепость и трагизм своих блужданий.

В «Даурии» прекрасно выписаны представители трудовой массы казачества. Это и Тимофей Косых, и Семен Забережный, и Никула Лопатин, этот вечный неудачник, неунывающий фантазер и хвастун нишка, батраки Алексей Соколов и Федот Муратов, и опять-таки те же Улыбины,

Весьма привлекательна живописная фигура Муратова. Вечный батрак и проказник, этот мунгаловский чудо-богатырь саженного роста не знал, куда девать свою силушку. Он растрачивал ее в попойках и шутовских проказах: мог одним увесистым кулачным ударом оглушить быка или же, играючи, протащить его по земле. По праздникам, подделав ключи, Федот воровал хозяйскую пшеницу, пил ханшин, играл в карты, обрезал хвосты у коней, на которых приезжали в Мунгаловский женихи из соседних станиц и поселков. С военной службы Федотка вернулся с твердым намерением пустить перо и пух из местных поселковых тузов. Но еще долго в штормовые годы гражданской войны будет бросать его из стороны в сторону. Побывает он и у анархистов, пока революционная волна не прибьет к одному берегу. По-человечески прекрасен подвиг Федота Муратова, когда он вместе

с матросом Усковым хладнокровно берется сопровождать платформу с взрывчаткой, чтобы подорвать ею эшелоны противника на станции Мациевской.

С покоряющей правдой, свойственной подлинному искусству, художник выписывает образы своих главных героев. С особой авторской симпатией, может быть, менее живописно и картинно, чем импозантная фигура Федота Муратова, но не менее тщательно, с проникновением в психологию героя изображен в романе Семен Забережный. Так же, как, скажем, и Никуле Лопатину, Забережному редко когда улыбалось счастье. Несмотря на всю свою напористость и трудолюбие, он так и не поборол нужду-матушку. Неслучайно писатель несколько раз возвращается к рассказу о полуразвалившейся Семеновой хибарке. Но в отличие от того же Никулы Лопатина бедность не пригнула и не унизила его, не сломила гордого характера этого человека, знающего себе цену. Кто-кто, а он-то уж не даст над собой посмеяться, да и над другими не стерпит издевательства. Еще будучи на военной службе, рискуя попасть в трибунал, он проучил офицера, посмевшего неуважительно с ним поступить. Он крепко одергивает Терентия Чепалова, когда тот вздумал на строевых учениях поизмываться над Романом Улыбиным. Семена побаивается, не желая с ним ссориться, даже сам поселковый голова Елисей Каргин. Более того, Семен Забережный готов отчитать за трусость и Каргина, не рискнувшего поздороваться в присутствии начальства с арестованным земляком Василием Андреевичем Улыбиным.

Высокоразвитое чувство собственного человеческого достоинства крепко уживается в нем с обостренным чувством социальной несправедливости. Семен отпускает встреченного им Алексея Соколова, спасающегося от погони после поджога кустовского дома. Он первый из казаков открыто радуется свержению царя. Общение с большевиками Нагорным и Роговым помогает ему окончательно самоопределиться, найти свое место в ряду активных борцов революции.

К. Седых тщательно прослеживает расстановку классовых сил в Мунгаловском, многими нитями связанном с большим внешним миром. Отголоски событий из этого большого мира постоянно докатываются до Мунгаловского и прямо и косвенно будоражат его обитателей. Где-то совсем близко идет ожесточенная политическая борьба, совершаются покушения на губернатора, отбывает на каторге наказание хорошо знакомый всем односельчанин Василий Улыбин. Разными путями доходят до мунгаловцев рассказы о политических заключенных, да и сами они время от времени ловят беглых каторжников. Им хорошо

знакомо и растущее недовольство среди сибирского крестьянства, они об этом довольно точно могут судить хотя бы по настроению мостовцев, мужиков из соседней с Мунгаловским деревни, с которыми у казаков давняя распря из-за покосных угодий.

Стремительно начинают нарастать события в казачьем поселке с возвращением в родные места вчерашних фронтовиков. Давняя глухая неприязнь между верховскими зажиточными казаками с Царской улицы и низовской беднотой находит, наконец, свой выход в кровавом столкновении. Все заклокотало и забурлило в Мунгаловском — назревала гражданская война

Во множестве сцен, насыщенных острым драматизмом, художник нарисовал ту накаленную до предела атмосферу, которая нависла в эти годы над Мунгаловском. Здесь и бешеное сопротивление реакционной верхушки казачества, и неустойчивость и колебания таких казаков, как Северьян Улыбин, и твердая решительность в защите завоеваний революции Семена Забережного и его единомышленников, Автор «Даурии» в широких, привольных картинах, выхваченных из стремительного потока жизни, в непринужденном, естественном развитии характеров и обстоятельств рисует путь русского народа в революции. Он рассказал нам средствами искусства о том, как постепенно, преодолевая сословные и кастовые предрассудки, основная масса трудового казачества в решающие минуты борьбы становилась на сторону Советской власти и с оружием в руках отстаивала завоевания Великого Октября от посягательств внутренней и внешней контрреволюции. В этой борьбе народ совершал подвиги, исполненные высокого героизма и самопожертвования. Об одном из таких подвигов рассказал писатель в эпизоде, изображающем взятие Мациевской. Таких сцен мужества и отваги в романе К. Седых немало. Они волнуют нас своей правдой.

Страницы «Даурии» оставляют неизгладимое впечатление особенно потому, что они вылились из-под пера опытного мастера. Его герои не ходячие добродетели и воплощенные пороки, а живые люди с присущими им слабостями и достоинствами. В равной мере можно это сказать и о положительных и отрицательных персонажах книги, С художественной достоверностью и жизненной правдой изображены писателем не только представители семьи Улыбиных, но и Федот Муратов и Семен Забережный, Елисей Каргин и Платон Волокитин, Дашутка Козулина и купец Сергей Ильич Чепалов. Подчас ему удается одним-двумя штрихами вылепить живой, впечатляющий образ человека. Поэтому-то у К. Седых даже эпизодические фигуры кажутся пластически

осязаемыми.

Мастерски развернут в романе образ поселкового атамана Елисея Каргина, взятого со всей его противоречивостью, метаниями, борьбой мотивов. Потому-то он так и впечатляет. Впрочем, к Каргину нам еще придется вернуться в разговоре об «Отчем крае». С таким же искусством, мастерским проникновением в самую сердцевину характера раскрыт в «Даурии» и образ купца Чепалова, человека бессердечного и жестокого, лютой ненавистью, ненавидящего народ, новую власть. Писатель с исключительным тщанием выписывает подробности обстановки, семейного уклада чепаловского дома, огороженного высоким забором, за которым день и ночь носится по цепи свирепый волкодав.

Нажив уголовными преступлениями богатства, не гнушаясь грабежами и убийствами, Чепалов становится первым богатеем среди казаков. Ему приятно унизить человека, при случае похвастаться своим богатством. Особенно отвратительны в Чепалове переходящая в скаредность жадность, которая уживается в нем рядом с жестокостью. Он не только, не задумываясь, может выдать семеновским карателям десятки своих же односельчан, подсыпать толченого стекла в сухари, предназначенные для Красной Армии, но и ударить прямо в лицо, избить до полусмерти нагайкой невестку, накричать на домашних, чтобы подобрали рассыпавшие огурцы — иначе, чего доброго, их свиньи сожрут — накричать, казалось бы, в очень трагический момент в его жизни, когда было только что получено известие о смерти сына.

Все богатство красок, полноту и яркость личных впечатлений, накопленных в ранней молодости, острое ощущение прелести жизни, ее пьянящих ароматов отдал писатель любимым героям своей книги — Роману Улыбину и его возлюбленной Дашутке Козулиной. Особенно полно, в многочисленных жизненных обстоятельствах и подробностях быта и обстановки, обрисован образ Романа. На глазах читателя растет и мужает этот человек из народа. Весь его путь от подростка до красного командира выписан с такой художественной убедительностью, с такой жизненной достоверностью, когда правда искусства становится неотразимой правдой самой жизни. Надолго запечатлеваются в нашей памяти страницы, рассказывающие о юности Романа, о приобщении его к большой правде жизни, сложной и нередко суровой. Многое привлекает в облике этого человека: искренность и прямодушие, чувство собственного достоинства и упорная работа мысли. Еще подростком он задумывается над тем, как горек добытый, собственным горбом кусок хлеба. А тут как

назло семью Улыбиных преследуют одна за другой неудачи: то кобылу зарежут волки, то грозой подожжет стог сена. Рано ему пришлось столкнуться с неприятностями и иного рода. На улице его стали дразнить каторжником, намекая на судьбу дяди Василия.

Вскоре Роман жадно будет прислушиваться к разговорам станичников о политкаторжанах, политических, об истории казачества. Позднее к ним прибавятся беседы с Тимофеем Косых. В первой же открытой схватке он будет драться на стороне красных против своих же казаков и одним из первых в Мунгаловском запишется в ряды красногвардейцев, чтобы потом пройти путь от рядового бойца до командира.

Глубокое впечатление оставляет история нелегкой любви Романа и Дашутки. Нет, пожалуй, более привлекательного женского характера в романе, чем образ этой юной и гордой казачки, страдающей и любящей. Настоящей поэзией насыщены страницы, на которых действуют, волнуются, любят и ревнуют, грустят и веселятся Роман и его незабвенная Дашутка. Показательно, что именно в этих местах «Даурии» с особой силой начинает звенеть и сверкать, переливаясь всеми оттенками, природа, удивительные забайкальские пейзажи, живописать которые так мастерски умеет писатель.

Образ Романа трудно себе представить вне природы, без гомона ручьев, шелеста трав, обжигающего ветра и палящего солнца. Природа была для него живым и многоликим существом. «Он любил,— говорит автор о своем герое, — скакать в степной необозримой шири. Смутно видимую вдали поскотину сразу вообразил он идущей в атаку пехотой, а березы — зелеными знаменами, развернутыми над ней». Нисколько не удивительно поэтому, что после первой же необычной встречи с Дашуткой Романа потянуло в поле, к природе. «Южный ветер бил ему прямо в лицо, степь пьянила запахом молодой богородской травы, и запел он старинную казачью песню: «Скакал казак через долину, кольцо блестело на руке...»

Это расцветающее чувство первой любви было согрето другим большим чувством — слитностью с жизнью родной природы. «Круглые опаловые тучки набегали на месяц, клубилась настоянная на травах теплая мгла, дремотно покачивался и баюкал их тихой песенкой старый тополь. Они не слышали, как, предвещая грядущий день, дохнул из туманных низин прохладой ветерок-раностав, как неуверенно крикнул неподалеку первый петух и смолк, прислушиваясь».

Природа окружает героев «Даурии» и в горькие и счастливые моменты, Она летит навстречу юноше Роману, когда его душа

переполнена радостью и счастьем, когда вырывается из груди песня. Она же не покидает его и в минуту грусти и душевной боли. Есть в «Даурии» удивительная в этом отношении сцена. Нескладно сложилась любовь у Романа к Дашутке. Любимая им девушка выходит замуж за другого. Даже в самый момент свадьбы Дашутки ему не верится, что все кончено, он еще на что-то продолжает упорно надеяться, ждет какого-то чуда. И только, когда подгулявшие гости стали кричать отовсюду: «Горько! Горько!», Роман впервые почувствовал свою неприкаянность. Молодые встают и, краснея и смущаясь, начинают целоваться. Жених целует невесту, его, Ромкину, Дашутку, первую и жаркую юношескую любовь. И каждый новый поцелуй отзывается в сердце Романа болью и обидой. Он уходит, почти бежит со свадьбы, рыдает на какой-то чужой завалинке, а потом, придя, домой, не раздеваясь, валится в постель. Роману не спится, далеко за полночь он выходит из дому. И опять его потянула к себе природа. «Полный месяц стоял высоко в студеном небе. В ограде тускло искрился истоптанный снег, беспрерывно гасли и вспыхивали холодные крошечные огоньки. Роман пошел к садику, точно его кто-то вел туда за руку. Ему захотелось почему-то взглянуть на куст черемухи, который посадил он весной, после первого объяснения с Дашуткой. Кустик стоял в тени у заплота. Только на одной его ветке, протянутой навстречу Роману, нестерпимо сверкали серебряные звездочки, переливался голубой огонь. Роман осторожно дотронулся пальцами до хрупкой ветки и с горечью подумал: «Никогда Дашутка не узнает, что я думал, когда садил тебя. Расцветешь, а Дашутка не моя и не будет моей». Он нагнулся как можно ниже и ясно ощутил исходящий от ветки тонкий, крепкий запах молодой коры и снега. И невольно подумал, что мог бы сейчас стоять здесь вместе с Дашуткой. От этого у него закружилась голова, заныло в груди. Прикоснувшись губами к ветке, он распрямился, еще раз оглядел весь садик и, не зная зачем, побрел к сараю.

Сколько в этом маленьком отрывке поэзии, какая удивительная живопись, сколько здесь оттенков и какая игра красок! Надо быть настоящим художником, чтобы так осторожно, с особым, щемящим душу лиризмом передать смятение Романа, уловить все нюансы его настроения, которое так гармонирует и с этой веткой, осыпанной серебряными звездочками, залитой голубым огнем с холодными, крошечными огоньками, что вспыхивали и гасли на заснеженных елках, и тонким, крепким запахом молодой коры и снега.

А в какой праздничный наряд одевается природа, когда Роману снова и неожиданно улыбнулось счастье. В этот день даже

обыкновенный камешек, вмерзший в нерастаявший под крутым берегом реки голубовато-зеленый лед, кажется янтарным и необычайно красивым. После встречи с Дашуткой на мельнице день показался Роману «необыкновенно ярким». Он «счастливыми глазами глядел на небо, на бегущие по нему легкие золотистые облака. Потом улыбнулся жаворонку, трепетавшему в синеве».

Вспомним, наконец финал «Даурии», встречу Романа с родными местами. Тяжелый путь прошел этот человек. Он видел, как японцы топтали его милую с отроческих лет забайкальскую землю, пережил сотни опасностей и смертей. Позади остались жизнь в лесной партизанской коммуне, тайное посещение родительского дома, которое едва не закончилось собственной гибелью, разведка и сражения, бесчисленные сражения. Не раз над его головой проносились со свистом пули, пережил он и мучительные минуты в ожидании смерти, и только находчивость и хладнокровие товарищей по несчастью спасли его от неминуемой гибели. За эти годы Роман потерял близких и дорогих ему людей: пал под шашками карателей его отец Северьян Улыбин, шальная пуля настигла бежавшего из-под расстрела Тимофея Косых, наставника и старшего друга Романа. Все это теперь в прошлом. И вот, сгорая от нетерпения, возвращается он на родину после многих боев и походов... «Необыкновенно хорошо, — говорит автор, — было в эти дни на душе у Романа Улыбина». Возмужавший и загорелый, много повидавший на своем веку человек, он мало чем походил на прежнего Романа. От былого осталось в нем только одно чувство, которое никогда не умирало: аромат и запахи земли отцов, трепетная радость родных полей и перелесков. «Ясным июньским закатом подъезжал он на потном, усталом коне к Орловской. Вокруг виднелись на взгорьях и косогорах квадраты и прямоугольники пашен, нежно зеленеющие перелески. В придорожных кустах заливались на все голоса пернатые песенники, куковали на старых вербах кукушки. Усилившийся к вечеру аромат цветущей, черемухи сладко тревожил и волновал Романа, будил в его памяти давно забытые весны».

Воистину гимном радости жизни встречает родина своего верного сына, победившего недругов, не раз глядевшего в глаза смерти. Сколько в этом радостном пробуждении природы великолепия и ликованья, ярких красок, неуемной игры расцветающих сил, вечного обновления жизни. Обильным теплом, купаясь в собственной щедрости, заливает ожившую многострадальную землю Забайкалья весенее солнце, погромыхивает гром, без умолку шумят реки. «В мае прошли по всему Приаргуныо первые грозы. От обильных дождей прояснился

насыщенный дымом весенних пожарок воздух, буйно взыграли речки, весело зазеленела земля. Не успел отцвести по лесам багульник, как распустилась в долинах черемуха. В осыпанных цветом ветвях ее от зари до зари распевали птахи, хмелея от терпкого запаха, брали взяток дикие пчелы. В горячей струящейся синеве смеялось от собственной щедрости солнце, таяли над хребтами пушистые облака, неугомонно шумели речки. Все живое радовалось и спешило жить».

И хотя Романа поджидает еще один тяжелый удар, еше одна встреча с нелепой и трагической смертью, буйная, языческая радость жизни приглушит в душе его и это неожиданное горе. Мальчишеские голоса, с удалью и задором поющие партизанскую песню о прославленном командире партизан Журавлеве, оживляют Романа, только что с тяжелым сердцем покинувшего кладбище, где покоился прах Дашутки.

Пейзаж у К. Седых органично, естественно и непринужденно врастает в эмоциональную основу повествования. Не только Роман, но и другие герои «Даурии», правда, в несколько меньшей, может быть, степени, но обязательно тесно погружены в этот красочный, многоголосый, источающий запахи мир. Разнообразие световых и звуковых тонов в «Даурии» просто поразительное. На берегу омывающей Мунгаловский речушки Драгоценки «белеют, как будто осыпанные снегом распустившиеся вербы», «глядится в воду никлый старюка-камыш, стелется «волнистый туман». Лес на северных склонах сопок полыхает «фиолетовым пламенем цветущего багульника». Воздух переливается «тонким, сладостным ароматом багульника, смолистой горечью молодой хвои». Над степью тихо реет «золотой свет заката». От сопок «тянутся тени, пересекая прибитую дождями дорогу». В полях «пахнет молодым острецом и мышиным горошком». А рядом, где-нибудь в придорожных кустах, заливаются щеглы и синицы, звонко кукуют беспокойные кукушки.

В тенистых чащах у него «целый день беззаботно снуют и посвистывают полосатые бурундуки, в лохматых гнездах на старых лиственницах кричат сизоклювые воронята, голубые и белые бабочки, сверкая, как самоцветы, садятся на влажный моховник», что купает в студеной воде свои бледные листья, Вдали же «голубеют затянутые текучим маревом горные кряжи». В залитой солнцем траве «неуемно трещат кузнечики», лениво и жалобно тявкают тарбаганы. На болотах неумолчно квакают лягушки, вскрикивают спросонья чибисы». А вот целая гамма запахов от свежескошенной травы: «Трава источала крепкие смешанные запахи. Приторно-сладкий запах исходил от цветущей солодки, жесткий стебель которой Семен держал в руке; терпкую

горечь струила полынь. Медовый аромат земляничных листьев перебивала резким и сильным душком чемерица».

В книге К. Седых все это живет и сверкает, сливаясь с настроением героев, придавая особую эмоциональную окрашенность всему повествованию, буквально ошеломляя читателя этим неуемным, буйным цветеньем жизни, которая так и бьет почти с каждой страницы романа. Изящная акварель пейзажной живописи усиливает целостность и остроту художественного впечатления, доставляя высокую радость эстетического наслаждения.

Жизнь прекрасна — утверждает всей логикой развития характеров и картин писатель. Она всегда в движении, в солнечных бликах, в меняющейся игре света и теней, в переливах звуков и красок. Ощущать эту красоту, радоваться ей — величайшее благо, выпавшее на долю человека. Свой восторг перед щедростью жизни, земной красотой писатель настойчиво стремится внушить и читателю, заставить его в изумлении остановиться перед тем непередаваемым очарованием, которым нас дарит природа. «Утренние просторы земли повиты тончайшим шелковьем лазурного пара, и сверкает земля горячими красками, какие не выдумает ни один художник. Никогда не передаст он того, как тянется к солнцу на мшистом утесе горная астра — золотой огонек в жемчужной оправе, как светится алым рубином подгрудок птахи, распевающей на молодой березке, как струится стеклянной рябью воздух в ясное утро после дождя».

«Даурия» — полотно широкого эпического плана. Высокое художественное мастерство, верность правде жизни, ярко и сочно выписанные человеческие характеры, подкупающая прелесть пейзажных зарисовок, захватывающий рассказ вдумчивого художника о судьбах крестьянства Забайкалья в годы революции и гражданской войны обеспечили «Даурии» непреходящий интерес у читателей и прочное место в литературе.

В 1957 году появился новый роман К. Седых — «Отчий край». Перед читателем вновь ожили и засверкали пейзажи величественного Забайкалья с его суровыми вьюжными зимами, знойным летом, пьянящими запахами весны, заговорили, пришли в движение, обуреваемые страстью борьбы его люди, в большинстве своем наши давние знакомые — Роман Улыбин, Василий Андреевич, Семен Забережный, Ганька, Елисей Каргин и другие.

«Отчий край» — прямое продолжение «Даурии». Повествование в нем доводится до 1922 года, т. е. до окончательного завершения гражданской войны на Дальнем

Востоке. Последние кровопролитные бои с остатками белогвардейщины, разгул унгерновских и семеновских карателей, широкий размах партизанского движения, окончательное размежевание двух борющихся лагерей, первые трудные шаги по налаживанию новой жизни, драматические перипетии отдельных человеческих судеб, думы и чаяния народа в этот сложный период революции — вот что в первую очередь привлекает внимание художника.

На страницах романа развертывается широкая картина героической борьбы народа в последний период гражданской войны, Прослеживая судьбы своих героев — Ганьки и Романа Улыбиных, Семена Забережного, писатель вводит нас в самую гущу событий — жестоких боев, изматывающих и изнурительных отступлений, нового натиска, знакомит с настроением основной партизанской массы.

С наибольшей художественной убедительностью в новом произведении Седых выписан образ Семена Забережного, бесстрашного командира партизан, казака-бедняка и коммуниста, на долю которого выпала нелегкая судьба. Семен Забережный — человек горячего сердца, отзывчивый и задушевный, с близкими ему людьми сердечный и мягкий, жесткий и колючий со своими противниками, до болезненности принципиальный и честный. Если в «Даурии» образ Семена Забережного, особенно в первых частях романа, оказывался где-то на периферии, то в «Отчем крае» он выдвинут автором на передний план. Особенно ярко и сочно написаны те сцены и главы книги, в которых действует этот человек. Живо запоминаются и возвращение партизан во главе с Семеном в родной Мунгаловский, и нерадостная встреча с умирающей в тифозной горячке женой, и последующее его председательство, и по-детски наивное и чистое увлечение сельской учительницей.

Раскрывая различные грани характера своего героя, писатель воссоздает неповторимую атмосферу этой одновременно суровой и романтической эпохи. На глазах читателя проходит вся борьба, порой с ошибками и заблуждениями, которую ведет Семен Забережный по налаживанию новой жизни и быта. Здесь и взаимоотношения между только что вернувшимися партизанами и остальной массой казачества и открытие клуба с его первыми ростками культурно-просветительной работы в далеком забайкальском поселке, и первая свадьба по-новому, без попа, и первые собрания сельской бедноты, и реквизиция кулацких домов и многое другое — новое и необычное, радостное и трудное.

Колоритные подробности быта, поведения партизан, картины зверств карателей, формирование на базе партизанских

соединений первой народно-революционной армии прекрасно переданы художником в сценах, изображающих перипетии судеб братьев Улыбиных — Ганьки и Романа. Особенно хорош в «Отчем крае» образ Ганьки. Под пером писателя образ этого подростка превращается в живой, полнокровный характер. Читатель с интересом следит за первыми шагами его партизанского житья-бытья, переживает вместе с ним трагедию разгрома госпиталя, последующую встречу с партизанским патрулем, отсиживание в тайге в обществе скрывающихся от мобилизации крестьян, участие в грандиозной манифестации трудящихся Читы по поводу освобождения Владивостока от интервентов и белогвардейцев и присоединения буферной Дальневосточной Республики к России.

Автору удалось передать в образе Ганьки и детскую непосредственность, и порывы души, потрясенной ужасами войны, человеческой жестокости, и первый трепет пробуждающегося юношеского чувства любви. А последнее Ганькино путешествие в поезде изображено художником с тем здоровым чувством юмора, которое заставляет вспомнить искрящиеся смехом страницы М. Шолохова.

Интересно и своеобразно решена К. Седых в его книге и судьба бывшего поселкового атамана Елисея Каргина. Образ Каргина в «Отчем крае» так же, как и в «Даурии», привлекает к себе пристальное внимание писателя. Он разработан с большой тщательностью и психологической достоверностью. В чисто художественном отношении — это одна из наиболее законченных и завершенных фигур романа. Каргин — честный и порядочный русский человек. В свое время, будучи атаманом, он привык к почету и уважению со стороны окружающих. Революция безжалостно разрушила его привычную, устоявшуюся жизнь И вот в годы гражданской войны Елисей Каргин оказывается на распутье. Вначале он не примыкает твердо ни к одному, ни к другому берегу. Каргин стремится приложить все свое умение, весь накопленный житейский опыт к тому, чтобы сохранить единство среди казаков, утихомирить страсти.

С обострением борьбы он, против своей воли, логикой вещей втягивается в водоворот событий, вынужден сделать выбор. Так Каргин попадает в белогвардейский лагерь. Но ему претят пытки, расстрелы, зверства карателей. Он делает безуспешные попытки спасти от гибели своих односельчан, выданных карателю Соломонову купцом Чепаловым. Позднее Каргин стремится поднять восстание против Семенова. Оказавшись в конце концов со своей семьей За границей, бывший казачий атаман испытывает гнетущую тоску по родине, по дому. Писатель посвящает этим переживаниям героя поистине проникновенные страницы. Как раз

в этот-то момент душевного бездорожья, крайней растерянности и смятения и начинает постепенно полковник Кайгородов, отъявленный палач и негодяй, втягивать Каргина в свои замыслы, поручая ему самую грязную работу, стремясь сделать из него беспринципного убийцу и бандита, и Каргин бунтует. Он принимает единственно верное в его положении решение — вернуться на родину, сдаться на милость победившего народа. Пройдя через унижения, обнищавший и настрадавшийся человек этот возвращается, наконец, на землю отцов. Но путь к народу у него нелегок. И К. Седых-художник не скрывает от читателя- всех этапов этого совсем не простого, тернистого пути.

Суровая правда жизни отразилась и в судьбах других героев «Отчего края».

Значительное место в новом романе Константина Седых отведем но показу разложения белогвардейшины, исторической обреченности ее неправого дела. Буквально десятки страниц посвящены описанию вожаков белого движения — Семенова, Унгерна и их ближайших сподвижников — таких же жестоких и беспощадных садистов, как и сами главари бандитских армий. Особенно удался писателю зловещий образ начальника унгерновской контрразведки старика Сипайло с его вкрадчивыми, кошачьими манерами хищника. Сипайло — достойный «соратник» и сподвижник Унгерна, этого полупомешанного барона с белесыми бровями, с бесцветными, как у змеи, глазами.

Константин Седых в своих авторских отступлениях, широко используя исторические документы, стремится проследить формирование характеров Семенова и Унгерна. Он подробно воспроизводит в романе их прошлую жизнь. Следует заметить, что эта предыстория кровавых карателей Забайкалья имеет скорее информационный характер. Дело в том, что при раскрытии прошлого Семенова и Унгерна автор сбивается на протокольный пересказ, художника в нем подчас вытесняет сухой протоколист. Поэтому страницы, посвященные биографии Унгерна и Семенова, получились в художественном отношении невыразительными и бледными. К слову сказать, в такой же манере выписаны отчасти и те места книги, где рассказывается о пребывании Унгерна в Монголии. Они иногда сбиваются на простую информацию.

Значительно сильнее и красочнее, а следовательно, и жизненнее выглядит Унгерн в бытовых сценах, в своем непосредственном окружении. Так, эпизоды допроса Унгерном захваченных разъездами барона бурят и китайцев и их последующей казни по-настоящему волнуют. Сказанное об Унгерне в полной мере относится и к образу Семенова в романе.

Изображение белогвардейщины у К. Седых ни разу не

сбивается на карикатуру, на плакатные краски в обрисовке врага. Как истинный художник, он соблюдает чувство реальности, хорошего писательского такта. Его Унгерн, Сипайло, Кайгородов, Рысаков потому и страшны и отвратительны, что они даны со всей человеческой и беспощадной правдой. Более того, художник иногда заставляет почувствовать и трагедию отдельных смелых и отважных русских людей, оказавшихся по тем или иным мотивам по другую сторону баррикад. Как известно, к белогвардейцам иногда попадали и случайные люди — какой-нибудь батрак Агейка Бочкарев, обманутые эсерами рабочие из Ижевско-Воткинской дивизий, одно время сражавшиеся в армии Колчака под красным знаменем.

Художественное мастерство Седых в изображении белогвардейщины как раз и проявилось, прежде всего, при описании рядовых участников движения, зачастую случайно примкнувших к нему и на собственной судьбе испытавших весь ужас трагического разрыва с родиной и народом.

Это произведение К. Седых радует читателя не только как приятная встреча со старыми знакомыми героями, полюбившимися еще по роману «Даурия», но и как хорошее правдивое повествование о последних годах гражданской войны в Сибири.

О гордости наших отцов и дедов, прокладывавших в невероятно тяжелых условиях дорогу к новой жизни, рассказал художник в двух своих ярких и талантливых книгах — романах «Даурия» и «Отчий край».

Писательское мастерство К. Седых в «Отчем крае» нисколько не ниже, чем в «Даурии». Особенно это заметно в тех местах книги, где мы встречаемся с родными писателю забайкальскими пейзажами — ручьями, сопками, реками, травами, деревьями. Седых умеет слышать и видеть. В его, романе звенят, переговариваются ручьи, шепчутся травы, колышутся деревья, заливается на разные голоса птицы, слышатся запахи лугов, колосятся наливающиеся зерном поля. Волнуют читателя и лирические отступления автора, придающие повествованию своеобразный, по-особому задушевный характер. Роман и начинается с такого лирического зачина о невозвратной молодости, ее горестях и радостях, оставляющих неизгладимый след в памяти человека на всю его жизнь.

Подобного же рода возволнованно-лирическими раздумьями о Родине, о сыновнем чувстве к ней насыщены и многие другие страницы «Отчего края», живо передающие неповторимый колорит эпохи. Все это делает роман К. Седых по-настоящему свежим и ярким.

Романы К. Седых рисуют широкую и правдивую картину преображения России на одной из отдаленных ее окраин. В его книгах запечатлен в живых человеческих судьбах и характерах сложный, порою драматический путь народа в революции и гражданской войне, показана забайкальская деревня в первые годы становления Советской власти во всей ее взбудораженности, со всей остротой складывающихся новых человеческих отношений и нового быта. Мастерство портретных характеристик, сочность и живость массовый сцен, красочные картины повседневной жизни казачества в революционную эпоху, яркие человеческие характеры — все это позволяет говорить о дилогии писателя как о значительном явлении в нашей литературе.

Художественная проза К. Седых продолжает лучшие реалистические традиции отечественной литературы. Он пишет жизнь во всей ее неприкрытой правде, без ретуши и сусального украшательства. Его художественный метод тяготеет к острым, нередко трагедийным ситуациям, драматически напряженным конфликтам, в которые попадают герои в силу естественного хода событий, законов самой жизни с ее неумолимо суровой логикой. Через них проверяется характер человека, просвечиваются все качества и свойства его души, вплоть до самых отдаленных и потаенных ее уголков.

Писатель большого эпического дарования, Константин Седых создает живописную, глубоко правдивую историю своих современников, на долю которых выпало великое и трудное счастье быть первопроходцами и первооткрывателями новых путей для человечества. И сам он один из таких первооткрывателей — художник и гражданин страны Советской.

ВАСИЛИЙ ТРУШКИН